

A dramatic illustration of a dragon flying over a dark, rocky landscape. The dragon is dark-colored with large, spread wings and is flying towards the viewer. The sky is filled with soft, white and grey clouds, and the landscape below is dark and rugged with some reddish-brown rock formations on the right side.

Евгения Усачева

Месть Кириэля

Евгения Усачева

Месть Кириэля

«Автор»

2026

Усачева Е.

Месть Кириэля / Е. Усачева — «Автор», 2026

Волею судьбы главному герою, сыну Создателя — Андронику, предстоит вновь встретиться с призраками прошлого и вступить с ними в смертельную схватку. Но на этот раз он не останется один. Его младший сын Кириэль окажет ему поддержку и попытается дать отпор врагу всего живого во вселенной, пусть ради этого и придётся пожертвовать многим. Он соберёт команду и отправится в долгое и опасное плавание через океан Безвременья, к далёким берегам Имморталис-Сити, чтобы вызволить отца из плена Мёртвого Короля. На пути его ожидает множество препятствий и приключений, которые закалят его дух и покажут, на что он способен. Сможет ли он достойно принять это жестокое испытание и выйти из него победителем? Станет ли героем, навсегда положившим конец смертельной угрозе Мироздания, или его ожидает бесславное поражение?

© Усачева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1	7
2	11
3	17
4	25
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгения Усачева

Месть Кириэля

Пролог

В жизни я понял лишь одно: что душа срывается так же, как и кости, но после переломов она уже никогда не станет прежней. Мне казалось, я получил то, что хотел. Бродя под сенью великой Космической Паутины и прижимая к сердцу мягкую ладонь Василисы, я думал – вот оно, счастье. И тут же какое-то неприятное чувство начинало скрестись в душе. Сердце колола невидимая заноза, понять природу которой мне ещё предстояло. Когда я вспоминал о Первой Реальности, мою душу накрывала такая меланхолия, что я был уже не рад ничему. Кириэль... Тихо шептало сердце. Будь он моим сыном, он любил бы меня больше жизни. Но я заупрямился. Во мне вдруг заиграла совесть: как же я могу так поступить с Беленусом? Как же могу так просто забрать его сына себе? Нет, в Первой Реальности отмотать время назад, как хотел Кир, и предоставить ему второй шанс выбрать меня своим родителем, у меня не хватило духу. Ну а во Второй он ведь, вообще, не родился и мне даже не требовалось отматывать время назад. Мне просто следовало... завести ребёнка. По идее. Но с Василисой я этого сделать не мог, потому как она уже давно стала умруном и перешагнула черту смерти. А никакие другие женщины меня не интересовали. Я вообще, если честно, забыл об их существовании. Они были тенями, которые не значили для меня ничего. Теперь, обретя все знания и силу своего отца, сына я мог создать и без участия девушки. Он был бы только моим. И я бы являлся его единственным родителем. Я не мог дать второй шанс Кириэлю в Первой Реальности, но смог бы дать первый во Второй. Но выбрал бы он меня? То, что мы сильно сблизились там, не означало, что «осколок» божественной сущности, являющийся его душой, будет благосклонен ко мне тут. Он мог бы запросто не выбрать меня. Меня, вообще, мог никто не выбрать во второй раз, и я рисковал получить в итоге не жизнеспособное тело младенца, лишённое души, которое умерло бы в течение двух недель, принесся мне лишь новые муки. Мой первый сын поступил со мной не лучшим образом. Не хочу снова перечислять все страдания, что он мне причинил. Он меня не любил. Он даже ненавидел. И никогда бы не посмотрел на меня так, как смотрят сыновья на своих отцов. Поэтому я мог со спокойной душой просто всё начать сначала. Обнулиться, так сказать, и попробовать устроить свою жизнь заново. И для этого мне требовалось для начала покинуть Имморталис-Сити. Я с удивлением обнаружил, что могу сделать это самостоятельно. И плевать, что Мёртвый Король не разрешал мне этого делать. Я не хотел всю жизнь быть будто привязанным к нему.

Имморталис-Сити являлся величайшим городом, но мёртвым, со всеми вытекающими из этого последствиями. И хоть мёртвые построили грандиозную по своим масштабам цивилизацию, со временем я понял, что мир мёртвых всё-таки не для живых. А я был живым... но, возможно, я бы и смог наплевать на последнее обстоятельство. Если б не Кириэль. Мальчик-солнце не выходил у меня из головы. Я уже на полном серьёзе считал его своим сыном. Он тихо скрёбся в моё омертвевшее сердце, и оно оживало. Я не мог ни о чём думать, кроме него. Такое знакомое чувство! Точно так же я не мог жить без старшего сына, когда он отверг меня. Не мог найти покоя. Всё казалось не так. Всё валилось из рук. И не хотелось ничего делать, только бежать, лететь к нему, хоть на край света, хоть в другую вселенную, хоть куда... Из-за Кириэля меня посещали такие же чувства, хотя он ещё даже не стал моим сыном во Второй Реальности.

Моё тревожное состояние не укрылось от Эллакиса. Он спросил, что меня беспокоит. Но разве я мог сказать правду? Вместо этого я ответил, что всё в порядке, а на следующую ночь, в последний раз взглянув на сияющую над городом Космическую Паутину, покинул Иммор-талис-Сити. Мне хватило мысленного усилия, чтобы переместиться в Элизиум, хотя я сомневался, что мне будут там рады. Меня никто не ждал с распростёртыми объятиями, учитывая, как я поступил с элохимами. Да, я всё же предотвратил апокалипсис, устроив Моранне побег, но прежде, я предал всё живое в этой вселенной, перейдя на сторону Мёртвого Короля. И я продолжал поддерживать его, а покинул город умрунов лишь ради своего будущего сына.

Василиса, наверное, предчувствовала, что я уйду. После событий в Первой Реальности, когда я сильно сблизился с Кириэлем, я изменился. Больше не взирал на неё так восторженно, не искал встреч с сыном, да и вообще, на него не смотрел, вспоминая всю боль, что он мне причинил.

– Ты будто не здесь. – Часто повторяла она по утрам, когда я обнимал её хрупкие плечи, выглядывающие из-под белого одеяла.

– Прости меня. – Сказал я в последний раз перед самым своим уходом.

– За что?

– Мне вновь придётся тебя покинуть...

Она не выглядела расстроенной или растерянной. Лишь умиротворённой. Чувства умрунов были приглушёнными настолько, насколько это возможно. Ничто не могло вывести их из равновесия. А я уже не ощущал всех тех чувств, которые раньше питал к этой семье. Всё-таки, гадко они со мной поступили. И хоть боль притупилась с годами, как мне казалось, но она не ушла совсем. Без тени сожаления я покинул город мёртвых, чтоб больше никогда туда не возвращаться, ибо впереди ждало меня совсем иное будущее, творцом которого отныне являлся я сам.

1

В поликлинике с утра было не протолкнуться. Кир бегал по коридору, не обращая внимания на людей. Иногда его гиперактивность меня пугала.

Она шла вразрез с моей неисправимой интровертностью, которую я терпеть в себе не мог. И я с радостью подстраивался под его жизнерадостный характер.

Для трёх он был уже довольно смышлёным пацаном. Справка от врача была нужна для детского сада. Как бы мне не хотелось, но пришлось отдавать сына в сад, чтобы выйти на работу.

После его рождения я поселился в Москве и занялся программированием. Я хотел, чтоб мой сын рос в русской культуре, с рождения говорил на нашем языке и считал его родным, а не какой-то чужеродный человеческий язык, который выдумали люди. Английский там, немецкий и прочие. Нет, я ничего против не имел. Человеческие языки были прекрасны по-своему, но я всё же хотел, чтоб родным он считал наш язык, как и должно быть.

Мой старый дом в Лос-Анджелесе находился в плачевном состоянии, ведь за ним никто не следил лет тридцать. Я навёл порядок, сделал ремонт, чтобы привести жилище в надлежащее состояние и в будущем продать. Ещё был старый дом отца на Фарерских островах, и я даже прихватил от него ключи. Его тоже можно было отремонтировать и выставить на продажу, чтобы выгоднее купить новое жильё. Но я решил его не трогать. Всё-таки это был не мой дом, а дом отца, и он мог вернуться в любую минуту из... из того непознанного состояния, в котором пребывал.

В общем, я продал только свой старый дом в Лос-Анджелесе, но выручил за него не так много, как мне хотелось бы, поэтому денег мне хватило лишь на двушку в спальном районе Москвы. Но на свой быт я не обращал никакого внимания. Господи! Да я был счастлив! Был просто на седьмом небе от счастья, что у меня есть сын! Кириэль... Солнышко, которое пришло в мою жизнь, и осветило её... Больше ничего не имело значения, кроме него!

Мне всегда было мало времени, проведённого с ним. Казалось, что слов постоянно не хватает, и что самые главные из них так и остаются произнесёнными. В то время, когда он ещё не понимал всех премудростей жизни, когда сорванцом носился по двору и уплетал мороженное на прогулке, я оглядывался назад, на всё пережитое мною, и понимал, что Кириэль для меня не просто ребёнок, не просто мой сын. Да, он всё-таки стал моим сыном! Долгожданным, маленьким существом, дороже которого у меня никого не было. Даже слово «люблю», казалось, преуменьшало всю гамму чувств, которые я к нему испытывал. Это была не просто любовь. Это было чувство, которое гораздо больше любви. Ему просто ещё не придумано названия.

Ребёнок требовательно дёргал меня за руку. Я очнулся от своих мыслей. Боже, мы едва не прозевали свою очередь! Рядом с Кириэлем я терял счёт времени и не замечал ничего вокруг.

И всё его детство, а впоследствии и юность, я опасался, что он вырастет и уйдёт. Уйдёт так же, как мой старший сын, предав меня. Этот страх граничил с навязчивой фобией. Но я и не считал себя нормальным. Никогда.

Я окружил сына любовью и заботой. Хотя внутренний голос твердил, что я слишком избаловал его. Но я продолжал в том же духе. Мне ничего не было жалко для него. Я не раздумывая, отдал бы свою жизнь за него, как и любой нормальный отец. Я бы пожертвовал всем, лишь бы мой мальчик был счастлив и улыбался.

И мне так не хотелось отдавать сына в детский сад, но я понимал, что Кир должен учиться взаимодействовать со сверстниками, заводить друзей, адаптироваться в обществе. К тому же мне надо было выходить на работу на полную ставку. До этого я работал удалённо в небольшой

IT-компании. Конечно, такой способ заработка сказывался на зарплате не лучшим образом. Поэтому мне требовалось полноценное присутствие на рабочем месте в офисе.

У моего сына были такие же глаза, как у меня. Если у Валеры они просто имели тот же цвет, а сами по себе были абсолютно другими, унаследованными им от матери. То у Кира форма глаз была такой же, как и у меня, был тот же взгляд, практически такой же рисунок тёмно-шоколадной радужки. Когда он смотрел на меня, то смотрел будто в самую душу. Но от его пристального взгляда внутри разливалось тепло, и возникала чёткая уверенность в том, что Кир меня не обидит, не предаст, не сломает моё сердце. Когда он повзрослел, я чувствовал, что рядом с ним мне ничего не страшно. Иногда возникало такое чувство, будто это он – мой отец, а я – его сын, и становилось так спокойно на душе. Я думал, что такого счастья, которое на меня обрушилось вместе с ним, просто не бывает. Каждая клеточка моего тела была счастлива, каждый миллиметр моей истерзанной души, каждый нейрон в мозге, который упорно писал коды. Мне нужно было зарабатывать больше, чтоб мой сын ни в чём не нуждался. И я постоянно учился и развивал свои навыки. Начал с мидл-разработчика, потом постепенно дорос до начальника отдела. Москва безумно дорогой город. А я хотел накопить на квартиру в центре. К тому же ещё мне следовало приобрести дачу в Подмоскowie для тренировок сына. Ведь у нашей обычной человеческой жизни на Земле была и другая сторона, нечеловеческая, которой я должен был уделять столько же внимания. Я обязан был тренировать Кириэля. Учить его владеть мечом и учить контролировать свою силу. И когда сыну исполнилось пять, я, наконец, накопил на дачу. Туда мы стали выезжать в мой отпуск и по выходным. Но не слишком часто. Я не хотел сильно нагружать Кириэля и лишать его детства.

Беленус и Танатос знали, что я вернулся. Годы стёрли взаимные обиды и противоречия между нами. Никто ни в чём не был виноват. Я не винил себя за «смерть» Моранны. В конце концов, она сама выбрала этот путь и развоплотилась из-за собственной жажды власти и упёртости. А я не мог поступить иначе тогда, на развилке одной важной дороги. Вернее, иначе я всё же поступил в той Первой реальности. И к каким ужасным последствиям это привело, я думаю, всем известно. Я пытался объясниться с Беленусом и Танатосом. Но они, скорее всего, не поверили мне. Хотя однажды Всадник Смерти будто невзначай, как делают агенты спецслужб, спросил у меня, с чего я решил, что Кириэль в Первой реальности и мой сын – один и тот же осколок божественной сущности.

Беленусу, естественно, я не мог рассказать всех подробностей той «второй жизни». Я скрыл от него тот факт, что в Первой реальности у него был сын от Моранны, а теперь это, фактически, мой сын. Да и Беленус, конечно же, не верил моим рассказам о двух реальностях. А Танатос, на удивление, оказался гибче.

Что я мог ответить на его вопрос? Конечно, я сказал, что просто это чувствую. И может, это удивительно, но у моего Кириэля была точно такая же внешность, как и у его «двойника» в Первой реальности, да и характер мало чем отличался. Этот ребёнок не мог ни минуты усидеть на месте. Он постоянно баловался, кривлялся, шутил, влезал в приключения, словом, веселил меня как мог. Благодаря ему, я чувствовал себя живым, чувствовал счастливым, и мне, если честно, уже было всё равно, что случилось со мной в прошлом. Я удивился такой поразительной перемене в себе. Но рядом с сыном я не испытывал ни капли боли, а воспоминания больше не причиняли мне страданий.

О Кириэле я думал, слушая монотонную речь своего начальника на собрании, и когда он обратился лично ко мне, я попал, как бывает в таких случаях, в неловкое положение, и растерянно смотрел на него.

– Простите... Я не расслышал вопроса...

– Андроник, вы протестировали приложение?

– А, да... Могу сказать, что оно полностью готово к использованию... – И далее я уже начал рассказывать об итогах своей работы, хотя мои мысли по-прежнему были далеко.

Я думал, что во второй раз всё случилось по-другому, но не менее удивительно. И я снова не мог понять, как это сделал.

Я ушёл в самое сердце Мироздания, и, по-моему, на какое-то время даже лишился тела, превратившись лишь в чистый разум, в чистую энергию. Внятно я не могу объяснить, что именно произошло, ибо сам этого не понимаю. Я видел прекрасное голубое сияние перед собой и знал, что это Святой Дух, который находится во мне, фактически, моя глубинная сущность. Я не мог им налюбоваться, настолько удивительным он был. И одновременно я думал о Кириэле: вспоминал его лицо, его смех, его неповторимую манеру поведения. Я рисовал в воображении его образ и переносил на Святой Дух. Мне казалось, я даже видел в переливах голубого и сиреневого света глаза своего будущего сына. А потом я... я отделил часть Духа. Отделил маленькую-маленькую, крохотную часть Духа от себя, и она стала превращаться в тело. Маленькое тельце младенца, которое росло прямо на глазах. Я испытывал такое волнение, какого никогда в жизни со мной не случалось. Этот трепет и ожидание, эту надежду не перепутать ни с чем. Я насытился ими сполна. Ещё одна глубина была мной изведена. Я постиг тайну Посмертия, потом тайну ДоРождения, и теперь постигал тайну Зарождения. И хоть это «зачатие» выглядело не так, как выглядит в традиционном способе на биологическом уровне, то, что я видел перед собой, представляло наивысший, сакральный уровень возникновения самой жизни, как явления. Наверное, и я родился подобным способом, хотя отец никогда не рассказывал, как именно создал меня. Я сказал, что тело ребёнка росло прямо на глазах. Но времени не было, и определить, сколько продолжалось формирование физической оболочки, было трудно. Я будто погрузился в некий транс и вышел из него, когда всё было готово. В центре Мироздания, в сиренево-голубом сиянии, замершем среди пустоты, мирно спал младенец. Его маленькие ручки и ножки были сложены, глаза плотно закрыты. Он медленно покачивался, будто в колыбели, окутанный неземным светом. И я поднялся к нему, будто по ступеням, и взял его на руки.

Это не передать словами, что я тогда испытывал. Валеру я не держал на руках. Когда он родился, я уже был мёртв. Но Кириэль... Боже, я чувствовал, что моё сердце вот-вот выпрыгнет из груди от счастья. Мне хотелось одновременно и смеяться, и разрыдаться от радости, и кричать, и петь, и веселиться, и... Много чего ещё. Моя душа будто воспарила над всем миром. Мирами, если быть точнее. На мгновение я замер с ребёнком на руках, посреди прекрасной Космической Паутины, что скрывала нас ото всех. Я любовался ею. Я любовался сыном. Я твёрдо был уверен, что в этот раз всё сложится по-другому. Но... Существовало одно но, которое омрачало мою радость... Я не мог определить, вошёл ли осколок божественной сущности в тело моего мальчика и если вошёл, то принадлежал ли он Кириэлю из реальности номер Один. Вернее, один и тот же ли это осколок или нет. Я опасался, что он не выберет меня, я опасался, что меня, вообще, никто не выберет. У меня оставалось четырнадцать дней. Именно в течение этого периода после физического рождения душа вселялась в тело ребёнка, и если этого по каким-либо причинам не происходило, младенец умирал. Господи...

Я пытался гнать от себя эти мрачные мысли, но сам был как на иголках. К тому времени я ещё не продал свой дом в Лос-Анджелесе, но сделал там приличный ремонт. Жить нам было где. Я сделал мысленное усилие, и тут же Космическая Паутина поблёкла и растворилась в пустоте, а я оказался на пороге своего старого дома. Кириэль в моих руках открыл глаза и тихо пискнул. Я улыбнулся мальчику и поспешил в дом, чтобы завернуть его в пелёнки. Его глаза ещё были синими, как и у всех младенцев: цвет не проявился. Но я уже знал, каким он будет.

Надо ли говорить, что те первые две недели стали для меня просто пыткой из-за постоянного нервного напряжения. Я не отходил от кровати ни на минуту, боялся, что если отлучусь даже на несколько секунд, то сын перестанет дышать, потому что его тело без души просто умрёт. Я не мог определить, вошла ли она в тело или нет. Спросить было не у кого. Я молился. Я молился ему. Я умолял, я просил его выбрать меня. Теперь я понимаю, что со стороны, наверное, тогда выглядел идиотом. Вы представьте себе взрослого мужика, который стоит на коле-

нях перед колыбелью, в которой невозмутимо спит младенец, и бормочет какие-то молитвы. Люди так никогда не поступали. Они нормально ели и спали после рождения детей, они отдыхали и верили в лучшее. Конечно, они же не знали, что в течение четырнадцати дней в тело ребёнка вселяется душа. И если вдруг этого не произойдёт...

Я зря тогда волновался. Как впоследствии выяснилось, осколок – душа Кириэля – вошла в его тело в первый же день. Это я страдал фигнёй, и вместо того, чтоб радоваться, тряся две недели из-за выдуманных страхов. Они отступили лишь на утро пятнадцатого дня. Я заснул на широком диване с младенцем подмышкой. И на утро у меня от сердца отлегло, когда я увидел, как привычно вздымается от дыхания его животик. Я упал обратно на спину весь в холодном поту и выдохнул...

Конечно, мне пришлось дать взятку врачам, чтобы они выдали свидетельство о рождении. Там значился лишь я, отец. Ну а про мать мне пришлось соврать, что... Собственно, я уже не помню, что тогда сказал. Мне хотелось назвать его матерью Василису, чтоб так и записали в свидетельстве. Но... Потом решил, что нечего, в первую очередь, врать самому себе и выдавать желаемое за действительное.

Мальчик был капризным, требовательным, уже с первых дней показывал свой огненный строптивый характер, но мне его капризы были лишь в радость. Я никогда не имел дел с маленькими детьми, почти всю взрослую жизнь занятый бесконечной войной. А тут... Тут, признаться, мне пришлось нелегко. Я читал книжки по уходу за детьми, смотрел видео. До чего-то догадывался сам.

Мне пришлось связаться с Иллюминатами, чтоб они помогли мне с документами, всё-таки я отсутствовал на Земле больше тридцати лет. Впоследствии они помогли мне не только с доками, но и с продажей дома и переездом. Я занял у них денег. Они сказали, что можно не отдавать, но я бы посчитал это подачкой, поэтому пообещал, что непременно отдам. Вот так я и оказался в Москве с маленьким Кириэлем. Конечно, в свидетельстве было указано Кирилл, но это лишь на Земле, для всего остального огромного Мироздания, мира элохимов и Хранителей Кодов он был Кириэлем. Беленуса на Земле тоже звали по-другому. Эдвард, кажется. И у Танатоса было человеческое имя, и у множества элохимов, которые иногда жили на Земле. Я по-прежнему назывался Андроником. Но фамилию Мёртвого Короля я слышать больше не хотел. Поэтому придумал себе другую: обычную неброскую русскую фамилию, и снова стал жить по поддельному паспорту с фальшивой личностью, как и много лет назад.

Я поселился в Строгино. Работал первые три года удалённо. Потом стал ездить в офис в IQ-квартал, наматывая каждый день десятки км на метро. Но я не замечал этих неудобств. Не замечал вообще, ничего вокруг, ведь со мной был сын. Отводя Кириэля в сад, каждый раз у меня в сердце что-то неприятно щёлкало. А вдруг... Вдруг то хрупкое счастье вмиг разлетится на осколки, стоит только Мёртвому Королю вернуться? Вдруг он придёт в тот момент, когда меня не будет рядом, и мой мальчик останется один на один с ним? Мы с Эллакисом вроде не были врагами, но я не представлял, как он отнёсся к моему внезапному исчезновению. И учитывая особенности его характера, характера безумного маньяка, от него можно было ожидать чего угодно.

Так прошло восемь лет. Всполохи страха, часто вспыхивавшие в моём сердце, особенно по ночам, сошли на нет. Я успокоился, убедившись в том, что прошлая жизнь окончательно осталась позади. И ни один её мрачный след больше не потревожит меня и Кириэля.

2

Мы возвращались на машине с дачи. Кир сидел рядом со мной на переднем сиденье, играясь в телефоне.

Я ласково потрепал пацана по макушке.

– Солнышко, ты понял, в чём была ошибка? – Я имел в виду тренировку.

Солнышко даже не оторвал глаз от смартфона.

– Убери телефон.

– Ну, па... – Недовольно протянул мальчик.

– Боже, я, наверное, слишком занудствую. Скажи честно, я слишком занудный отец?

Кириэль тут же взглянул на меня, его лицо расплылось в улыбке.

– Ты самый лучший папа на свете! – Без притворства проговорил он.

– Хах! Спасибо!

Я поцеловал его в щёку.

– Так ты понял, в чём была ошибка?

– Угу.

– Объясни.

Он растерянно уткнулся в телефон.

– Всё ясно, значит, не понял.

Может, я слишком рано начал его тренировать? Хотя, меня отец учил управлять своей силой уже с пяти. Киру исполнилось восемь. Теперь, благодаря его невнимательности и баловству, мы остались без домашней черешни. Несчастное дерево сгорело, приняв удар на себя. Этот непослушный своенравный мальчишка, игнорируя мои замечания, не смог удержать шар из энергии, сформированный им, и он врезался в деревце. Хорошо хоть не в дом. Я, честно, испугался за Кириэля. Сколько раз я говорил ему не баловаться и на тренировках быть максимально собранным. Как только ему удалось сконцентрировать свою энергию и сформировать в руках ярко-оранжевый, пульсирующий светом шар, он тут же стал им играть: подбрасывать вверх, словно футбольный мяч, а затем ловить. В какой-то момент он подбросил его слишком высоко и не смог сдержать порыв ветра, вызванный накопленной энергией, отчего тот обрушил шар на ни в чём не повинную черешню, которая тут же вспыхнула, как спичка. Я не успел её потушить. Дерево моментально сгорело вместе с начинавшими спеть плодами.

Будь я таким, как мой отец, мой ор слышали бы все соседи, а Кир остался наказан на месяц: лишён прогулок, сладкого и телефона, но я, к счастью, не был моим отцом.

– Сильно испугался? – Только и спросил я, прижимая к себе растерявшегося мальчишку.

Он молча покивал головой, боясь посмотреть мне в глаза, и уткнулся куда-то в живот.

– Пойдём умоемся. У тебя лицо в саже. – Тихо сказал я.

За нашими спинами ещё трещали тлеющие поленья, в которые превратилось дерево. Но это было не важно. Важно то, что сын находился рядом со мной, живой и невредимый.

Конечно, иногда он бывал и грустным. Как после того случая. Мне всегда становилось не по себе, когда он печалился. Сразу хотелось его развеселить, купить ему сладостей, сводить на аттракционы или в цирк, лишь бы ребёнок снова улыбался.

Я всё своё детство был опечален. И вместо того, чтоб разобраться в причинах моего угнетённого состояния и помочь мне восстановить душевное спокойствие, отец только ругал меня за это и нагружал ещё большими тренировками. Своё испорченное детство я вспоминать никогда не хотел.

В тот раз Кириэль быстро развеселился. Я начал его щекотать, а после того, как он вырвался от смеха телефон, сказал ему собраться и выслушать меня. Я начал объяснять, что он сделал не так на тренировке.

Сын ходил в обычную школу. Правда, не любил, конечно, учиться. Я его и не заставлял. Зачем, думал, нагружать ребёнка тем, что ему в жизни не пригодится? Его ждало иное предназначение. А земная жизнь являлась лишь прикрытием более масштабной и важной части его судьбы. В общем, я разрешил ему учить лишь те предметы, которые ему нравились. А нравилось ему не так много: рисование, музыка, литература. Точные науки он не любил, как и я. Но, несмотря на это, учился по ним достаточно неплохо. Наверное, сказывались природные данные: хорошо развитое логическое мышление, и прекрасная память. Больше всего он получал замечаний из-за своего поведения. Учителя так прямо и говорили, что оно «несносное». Меня вызывали в школу практически каждый месяц. Где был Кириэль, там всегда происходили происшествия: разбитые вазы с цветами из-за баловства, перевёрнутые парты, стулья, сбитые коленки, разбитые губы и носы. Он не спрашивая, сразу распускал кулаки, если его чем-то задевали. А задевали обычно из-за матери, которой у него не было. Жестокие дети. Кириэль знал, что она не умерла, не ушла, а её просто нет, хотя понимал это, наверное, по-своему. Я постарался объяснить, как мог. О себе я ему ничего не рассказывал, и утаил тот факт, что у него есть старший брат. В моей памяти ещё звучало злое обещание Валерия. Он сказал, что если у меня появится ещё один сын, то он убьёт его и меня. Чудовищная в своём безумии и циничности фраза. После этого Беленус, тогда ещё бывший моим другом, только и спросил:

– А ты уверен, что у него всё в порядке с головой? Может, ему надо всё-таки провериться?

А я знал, что в порядке. Просто натуру не переделаешь. Такого брата я бы не пожелал своему сыну. Да и то, что я пережил, было слишком для детской психики, даже нечеловеческой, поэтому я решил рассказать обо всём Киру, когда он подрастёт.

Кирюшенька меня радовал на тренировках. (Если не считать, конечно, той сгоревшей черешни). Он схватывал всё налету. Любые приёмы удавались ему с первого раза. Он был таким сильным, ловким, непредсказуемым, что иногда мне доставалось даже от него тринадцатилетнего. Правда, я, конечно, проводил поединки не в полную силу. Вскоре нам стало мало дачи, и мы стали уходить тренироваться в лес. По правде говоря, Москва и Подмосковье не годились для нашего образа жизни. Вот Элизиум подходил идеально, но вернуться туда я не мог, хотя элохимы не были мне врагами. Но в конечном итоге, как говорят, «не срослось». Я выбрал Мёртвого Короля. И был верен ему долгие годы. Я выбрал его ещё тогда, глядя на старую армейскую фотографию, с которой он загадочно улыбался мне, раскуривая крепкую сигарету. Тогда всё ещё было впереди. Всё ещё можно было переиграть, но я выбрал именно этот путь. Путь страданий, боли, любви, дружбы, отцовства и духовного просветления через болезненную трансформацию. И отказываться от своего выбора я не собирался.

Я напрочь забыл о том, что Кириэль в Первой реальности не был мне сыном. Мне казалось, что мы всегда были вместе, и что он не может звать отцом ещё кого-то. Это казалось чем-то противоестественным. Мы были очень близки. Даже слишком. Вспоминая себя, я могу сказать, что тоже был точно так же близок со своим отцом, только наши отношения были приправлены непониманием и злостью с его стороны. Мы с Кириэлем жили душа в душу. И обо всём на свете могли поговорить, кроме, разумеется, моего прошлого. Хотя, я утаил от него немного: лишь наличие старшего сына и своё заточение в клетке у Мёртвого Короля. Собственно, я вообще, не рассказал Киру, что между мной и Эллакисом произошло. Он даже не знал, что мы друзья. А я надеялся, что мы всё ещё друзья. Хотя понимал, что он страшно злится на меня за то, что я покинул Имморталис-Сити без его согласия. Я мог лишь предполагать, на какой

жуткий гнев нарвусь, когда попробую вернуться назад. Для перемещений мне больше не была нужна Моранна, ведь я обрёл все знания своего отца и знал, как путешествовать по великой Триаде миров: из мира Сущего в мир Посмертия либо мир ДоРождения. А вот Кириэлю все эти знания пока что были не к чему. Я его оберегал и не рассказывал слишком много, чтобы не волновать и не травмировать психику. Я знал, что придёт время, он и так всё вспомнит, как вспомнил в Первой реальности. В этом я не сомневался.

Я думал, ещё рано и в пятнадцать, и в шестнадцать. Хотел морально подготовить его к правде, но, к сожалению, не удалось.

Кириэль, мой нежный росток, не знавший боли и зла, оказался один на один с этой оглушительной правдой. И к несчастью, узнал он её не от меня.

В наисветлейший момент нашего с ним существования, когда будущее виделось нам в самых ярких тонах, а в сердцах разливался покой, огромная тень прошлого настигла меня.

Кириэль тогда учился на первом курсе циркового училища. Да, поразительно, но он, как и мой старший сын, избрал именно эту стезю. А что же ещё? Я же и сам пошёл работать в цирк, как только поселился на Земле. «Это, наверное, наследственное» – подумал я, и даже не удивился, когда заметил в мальчике склонность к этому виду искусства. В старших классах он посещал цирковую студию, занимался акробатикой и делал значительные успехи. Ещё бы он их не делал, учитывая его происхождение! А потом оказалось, он боялся мне признаться, что хочет поступать в цирковое училище! Боже мой! Да я... Я был за любой его выбор. Он боялся, что я сочту эту профессию несерьёзной и заставлю его поступать на экономический или юридический факультет. Когда он признался мне, чего на самом деле хочет, я только поздравил его с выбором и потрепал по макушке.

– Ты боялся, как я на это отреагирую?

Мальчишка, а точнее, подросток, залился краской и покачал головой.

– Дурачок! – Посмеялся я. – Это твоя жизнь, и ты устраиваешь её, как хочешь. Как я могу быть против чего-либо?

– Так можно, да?

– Конечно, поступай! Если что, я буду оплачивать учёбу.

– Спасибо, па!

Счастью ребёнка не было предела. У него горели глаза. Вообще, они всегда у него светились огнём, но тогда особенно.

Он крепко обнял меня, будто боясь отпустить.

Как бы я хотел задержаться в том моменте навсегда, ведь спустя год снова начался мой личный апокалипсис...

Это случилось в июне, после сессии. Я как раз приехал к сыну на последний экзамен по общей эквилибристике. Получил просто море эмоций, и счастливый, вышел из здания училища с болтающим без умолку Кириэлем.

– Нет, ну могли же они и так поставить... Но, нет, а ничего, что Андрей не выполнил ни одного... И ему...

Но я его уже не слышал. Я замер на ступеньках, поражённый будто молнией. Всё оборвалось у меня внутри, будто стальной жезл вошёл в сердце, да так там и остался, пригвоздив меня к земле. Кирилл, заметив моё замешательство, тряс меня за локоть.

– Пап, ты чего? Папа!

Я смотрел в одну точку, не смея отвести взгляда или шелохнуться. Я смотрел именно туда, где, облокотившись на бок моего внедорожника, стоял и курил Эллакис, заговорщицки глядя на меня.

Я просто потерял дар речи. Как? Господи, как? Откуда?

– Папа, что происходит? – С трудом донёсся до меня обеспокоенный голос моего мальчика. – А вы кто? – Любопытно поинтересовался он у темноволосого мужчины перед нами, который с интересом рассматривал его, лишь изредка переводя взгляд на меня.

Я находился в прострации, и даже не заметил, как Кириэль довёл меня до машины.

– Эллакис. – Любезно представился Мёртвый Король, натянувший на себя личину добропорядочного дяденьки. – Друг твоего отца. А разве он не рассказывал обо мне?

Кириэль недоверчиво помотал головой, смотря поочерёдно, то на нашего собеседника, то на меня, пытаясь понять мою реакцию.

Я молчал, будто воды в рот набрал. Я понимал, что его наигранная приветливость – лишь маска, под которой скрывается личность маньяка и тирана.

– Да рассказывал, сто процентов. Он бы не удержался! – Захохотал мой Друг, выпуская из лёгких сигаретный дым, и по-свойски тронул моего сына за плечо. Я тут же инстинктивно отбросил его руку, закрывая Кириэля собой.

– Не смей его трогать!

– Фу... Какое бескультурье. – Паясливо сказал Эллакис. – Ты подаёшь сыну дурной пример.

Сыну? Ну да, трудно было не догадаться, что Кириэль – мой сын. Я почувствовал во взгляде Эллакиса нотки ревности. Он не желал видеть меня ни с кем, кроме его сестры, и, наверное, уже мысленно проклинал мать Кириэля, не подозревая о том, что её, собственно, и нет.

После «милой» беседы, что установилась между нами по дороге домой, он в какой-то момент не смог сдержать своей внезапной вспышки гнева, и когда мы приехали, схватил меня за грудки и больно припечатал к стене дома, даже немного подняв над землёй.

– Папа! – Испуганно воскликнул Кириэль.

– Стой на месте! – Приказал я.

– С кем ты ей изменил? Я тебя спрашиваю, с кем? – Прогремел голос Мёртвого Короля мне в лицо.

Его хищные глаза впились в мою душу. И я ощутил себя в клетке, снова почувствовал себя никем, ничем, ничтожеством, возящимся на полу в луже собственной крови.

– Ни с кем! – С раздражением воскликнул я. – Ни с кем! Понятно? Он – только мой сын! Моё объяснение, кажется, не убедило Эллакиса. Его глаза блеснули злобой.

– Я повторяю: кто его мать?

– Никто! – Уже заорал я, пытаясь справиться с железной хваткой Эллакиса на своих плечах. – Я сам его создал!

Мёртвый Король, казалось, поверил. Он фыркнул, отпустив меня.

– Надо же... Какая сила тебе доступна... Только не вздумай после этого возомнить себя всемогущим! – Ядовито добавил он.

Я пригласил его в свой дом, как он когда-то меня в свой, и мы проговорили до самого утра.

– И чего же тебе не хватало? – С некоторой обидой в голосе спросил он, когда Кир уже давно оставил наше общество, видя девятый сон после трудного экзамена. – Почему ты покинул Имморталис-Сити?

Я не знал, что ответить. Может, так и надо было сказать, что из-за Первой реальности, в которой просто привязался к чужому мальчишке, а во Второй сделал его своим сыном? Вместо этого я сам задал Другу почти аналогичный вопрос.

– Может, ты сначала объяснишь, как смог попасть в Мир Живых?

– О, это просто... Я отследил твой энергетический след... Да, я тоже, знаешь, не стою на месте. Ты сам себе детей создаёшь, а я теперь могу перемещаться по своему желанию, куда захочу, хоть в Живую Вселенную!

На себя мне, как обычно, было плевать. Я боялся за своего мальчика, дороже которого у меня никого не было. Кир не подозревал об опасности, исходящей от моего Друга. Он ведь не знал, что Эллакис – Мёртвый Король. Он многого не знал, но я чувствовал, что его нужно оградить от негатива, исходящего от правителя умрунов. От него можно было ожидать, чего угодно. Наша дружба оказалась разменной монетой в судьбе Мультивселенной.

Когда мы досидели до самого рассвета, прилично выпили, я сказал, нет, я попросил, я унился перед ним снова ради сына:

– Прошу, оставь нас в покое. Ты же сам отец! Неужели, ты не можешь меня понять? Возвращайся в Имморталис-Сити, а я...

– А ты будешь делать то, что я тебе прикажу, ибо я – твой король! – Сердито прервал меня Эллакис и грохнул кулаком по столу.

– И что тебе здесь нужно? Снова устроишь апокалипсис?

– Как ты догадался? – С иронией промолвил он. – Пока что у меня не хватает сил переместить в Мир Живых всю мою армию, но я над этим работаю, если что. Не обещаю скорых результатов, конечно, но... Сейчас меня волнует другое. Ты должен вернуться.

– Зачем?

– Потому, что мне спокойнее, когда ты на виду. Так хотя бы есть уверенность, что ты ничего не замышляешь... Думаешь, я не догадался, что это ты помог Моранне сбежать?

Его взгляд стал обманчиво-улыбчивым и угрожающим одновременно. Всё похолодело у меня внутри.

– Эллакис...

– Ладно. Эту ошибку я готов тебе простить, но больше я подобного не потерплю. И как здорово, что у тебя теперь есть ещё один сын... Дополнительный рычаг давления, как-никак...

– Эллакис... Друг, прошу тебя, не причиняй ему вреда! – Почти взмолился я. – Он же ещё ребёнок!

– Хах... А ты, кстати, не собираешься знакомить его с братом? Он, вообще, знает о нём? По всей видимости, нет. Валерий скоро будет здесь. Закончит дела и придёт. Он теперь принц Некромира, занятой человек... Так что...

Слова Друга отзывались во мне страшной болью в сердце. Будто только вчера мой старший сын был со мной рядом и кидал мне в лицо оскорбления и пожелания скорой смерти. Будто только вчера он с удовольствием наблюдал, как Мёртвый Король пытается меня в клетке, не оставив ни одного живого места на моём истерзанном теле. Я содрогнулся от воспоминаний. И в Первой и во Второй реальности мне пришлось испытать то, что окончательно сломало меня. И в обоих параллельных мирах я встал, собрал себя по частям, и продолжил жить дальше, полностью обнулившись. И вновь тени прошлого настигли меня. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Во время того разговора Кириэль ещё безмятежно спал, а я уже мысленно готовился принять очередной удар судьбы. Лишь бы он не пришёлся на мой маленький росточек, не знающий жизненных вихрей и гроз. Я уже думал, куда бы спрятать Кириэля, но понимал, что от Мёртвого Короля не укрыться нигде.

– А ты чего такой напряжённый? Расслабься, я же тебя не съем! – Притворно произнёс он, и от этой фразы у меня мороз пошёл по коже, а алкоголь мгновенно выветрился из головы.

– Если тебе нужен я, заberi меня, но не трогай моего сына... – Снова унился я.

Эллакиса, наверное, уже тошнило от моих причитаний.

– Хм... Твой сын силен. Я чувствую его силу. Он может за себя постоять. А вот ты...

И Эллакис надменно посмеялся с меня. Вот такой была наша дружба. Вернее, то, во что она превратилась, нельзя было назвать дружбой. Это было вынужденное сосуществование, основанное на страхе, унижении и привычке. Мы с Эллакисом не могли отвязаться друг от друга из-за сильнейшей кармической связи, плюс ещё нас связывал Валерий. Сколько бы он

не отрекся от моего с ним родства, он бы не смог вынуть из каждой клетки своего тела тончайшую нить ДНК, связывающую нас, и растоптать её. Хотя, очень хотел бы это сделать.

То был вторник. Утром мне нужно было идти на работу, но я уже заранее понял, что придётся позвонить и сказать, что не приду, потому как события могли повернуться, как угодно. Эллакис не спал, и я от психологического напряжения тоже.

– Хороший же ты отец: шестнадцать лет сыном не интересовался. – С упрёком сказал Мёртвый Король, имея в виду Валерия.

Я даже не удивился циничности его слов, учитывая то, какие отношения были между мной и моим старшим сыном. Друг это прекрасно понимал, но ему хотелось зацепить меня, заставить почувствовать вину, чтобы легче было мною манипулировать.

– По-моему, ты всегда прекрасно справлялся с этой ролью. – Ответил я.

– Да, я заменил ему тебя, но это была вынужденная мера.

– Ты влез ему в голову.

– Ха! Он просто сделал правильный выбор. Я дал ему то, чего не смог дать ты.

– Как ты смеешь так говорить? – Взорвался я. – Ты прекрасно знаешь, что Валера сам отрёкся от меня! Да это... Я просто поражаюсь циничности твоих слов. Разве ты не знаешь, как я пытался вернуть его? Да, я... Я бы всё отдал...

– Ладно-ладно... – Вдруг переменился он. Это и было его целью – вывести меня из душевного равновесия. – Не ори. Сына разбудишь.

На часах было пять утра. Кириэль ещё спал (я надеялся, что спал, и не слышал нашего разговора).

– Пожалуйста, уйди! Я прошу тебя, уйди! – Обессилено произнёс я.

– Нет уж, я доведу это дело до конца. – С какими-то маниакальными нотами в голосе произнёс Эллакис.

– Какое дело?

– Твоё... Твоё, Андроник...

Он загадочно улыбнулся в полумраке, но я знал, что в этой улыбке не было дружелюбия, а лишь угроза.

Я психанул и вышел на балкон. Я давно бросил курить, но вновь потянулся за сигаретой, как только меня посетил Эллакис. Мы стояли на балконе, окутанные дымом и утренними сумерками, и сотни воспоминаний проносились в моей голове.

– А помнишь, там, в Афганистане, когда мы... – Начал я, будто говорил не с Мёртвым Королём, а по-прежнему со своим старым Другом.

– Я помню, Андроник, всё помню... – Мягко ответил он, как мой Друг, а не правитель умрунов. И на самый кратчайший миг во мне загорелась надежда на то, что его ещё можно вернуть – моего настоящего Друга, спрятанного глубоко под личиной ужасного Мёртвого Короля. Но лишь на миг... Вспыхнула и погасла...

«Слишком поздно». – Подумал я. – «Слишком поздно».

3

Первое время всё шло довольно неплохо. Валерий и его обожаемый дядя держали себя в руках. Я думал, что успею поговорить с Кирюшей, но мой старший сын заявился ко мне домой неожиданно, чуть ли не открыв дверь с ноги. Адрес ему, вероятно, как-то сообщил Эллакис.

Вот так наша с Кириэлем спокойная размеренная жизнь в один миг превратилась в нечто непонятное, сумбурное и непредсказуемое.

Валерий изменился. Снова обрезал волосы. Его голову венчал тонкий ободок чёрной короны, означающий, что он не просто гражданин Имморталис-Сити, а принц Некромира. Он будто стал выше, а в его образе читалась угроза и могущество. Я говорил, что внешне он был очень похож на своего дядю, и благодаря их одинаковому образу жизни, с годами это сходство лишь укоренилось ещё больше.

Зайдя в квартиру и увидев светленького мальчика рядом со мной, Валерий, как ни странно, не пришёл в ярость. На его лице читалось замешательство, жёсткость, непонимание.

Меня он спокойно не видел шестнадцать лет и даже не обратил внимания на своего отца, чуть поклонившись Мёртвому Королю, с интересом наблюдавшему за разворачивающейся ситуацией. Она его забавляла. Он сидел на диване, что-то жевал и тихо посмеивался.

Я попытался остаться невозмутимым.

– Кириэль. Валерий. – Коротко представил я их друг другу. – Кирюша, это – мой старший сын. – Добавил я мягко, тронув его за плечо.

– Что? Папа! – На лице ребёнка сменилось множество выражений.

– Прости, мне надо было раньше рассказать, но...

– Ладно, чего уж там... Раскроем уже все карты... – Бодро отозвался Эллакис. – Я – Мёртвый Король, а Валерий – мой племянник – принц Некромира.

В тот день я просто хотел провалиться сквозь землю.

Кириэль смотрел на меня с недоверием впервые в жизни, а на брата с боязнью и интересом. В то, что Эллакис – Мёртвый Король и мы с ним – друзья, он, наверное, слабо верил. В любом случае, он находился в глубоком шоке и туго воспринимал информацию. Нас ждал очень сложный разговор.

У Валерия на лице читалось лишь недовольство.

– Значит брат, да? – Кисло-сладким тоном сказал он.

И я запоздало понял, как сильно похожи тембры их голосов: Валерия и Кириэля. Я бы желал слушать их вечно. Господи, всё могло сложиться иначе! Мы могли бы стать полноценной семьёй! А я... У меня просто всё всегда выходило наперекосяк.

В тот день я всё-таки выпроводил Мёртвого Короля из своего дома. Он ушёл, сославшись на важные государственные дела, и Валерий последовал за ним, побыв со мной едва ли пару часов. Но они оба обещали вернуться как можно скорее.

Я обессилено закрыл за ними дверь и повернулся к сыну. Я бы сполз по стене вниз, если б он молниеносно не подоспел ко мне.

– Папа! Пап, ты чего? – Потряс он меня.

– Прости, Кириэль... – Тихо промямлил я куда-то в его шею.

– Так. А теперь ты мне всё расскажешь. По порядку. – Не теряя самообладания, бодро сказал мой сын.

Каким же он был сильным.

Я говорил долго. Полночи. Порою у меня выступали слёзы. Порою смеялся, а потом снова становился грустным. Я рассказал всё, утаив лишь тот факт, что в Первой реальности я не был Кириэлю отцом. В общем-то, я остановился на том, как меня освободили из клетки Мёртвого Короля, и ни словом не обмолвившись о дальнейших событиях, сразу перескочил на реальность номер Два.

– Две реальности? Мне трудно это представить. Хотя, учитывая, кто ты, в этом нет ничего странного.

– Ты не обижаешься, что я не рассказал тебе о брате? – С надеждой спросил я.

– Нет. Не рассказал, значит, не мог. – Добродушно ответил мой мальчик. – Самое главное – это ты, что ты есть у меня. Больше мне никто не нужен, тем более с таким отношением к нашей семье, как у Валерия. Я тоже не собираюсь налаживать с ним контакт, если он такой, как ты рассказываешь.

– Кирилл, он – твой брат. Каким бы он не был.

– Я понимаю, но раз он так поступил с тобой, я... Я не могу считать его своим братом. Это уже за гранью. Честно. Я просто, на самом деле, в шоке, только не показываю этого, чтобы тебя не травмировать лишний раз.

Я притянул его к себе, уткнувшись в светлую макушку.

– Ты – лучшее, что случилось со мной в жизни.

– А Валера?

– Ну, Кирюш...

Такие провокационные вопросы я оставил без внимания. Как я мог сравнивать своих сыновей и говорить, что кого-то из них люблю больше, а кого-то меньше. Валерия, несмотря на всё, что между нами произошло, я не мог вычеркнуть из своего сердца.

Опасность, исходившая от Мёртвого Короля, тревожила меня всё больше и больше. Сын заметил, что после визита Эллакиса я стал дёрганым и иногда отвечал невпопад. Я не мог спокойно работать, представляя, что прямо сейчас может открыться дверь, и войдёт Он... А Кириэль? За него я боялся больше всего. У него начались каникулы. Он проводил большую часть времени дома, куда в любой момент мог заявиться Мёртвый Король. Я звонил сыну каждые два часа, а спустя неделю, когда моя параноя достигла предела, написал заявление о переводе на удалёнку. Мы переехали на дачу на всё лето, подальше от городской суеты. Кирилл сохранял спокойствие. Он просто не понимал всего масштаба опасности. Он лишь повторял, глядя меня, ссутуленного и в отчаянии обхватившего голову руками, по спине:

– Если он явится сюда, я тебя ему не отдам. Ни за что не отдам.

Я был благодарен ему за эти слова, хотя понимал, что мальчишка вряд ли что сможет сделать против Короля Мёртвых. Напротив, это мне следовало его защищать.

– Ты – ангел из ангелов... – Сказал я однажды Кириэлю.

И я не имел в виду Хранителей Кодов. А подразумевал под этим словом именно то его значение, которое обычно приписывают ему люди. Это защитник, покровитель, благодетель, милое, любящее безвозмездно существо, которое освещает тебе дорогу во тьме, смягчает удары и убирает камни с твоего пути. Вот кем для меня был мой сынок, мой мальчик-солнце, который, я не сомневаюсь, отправился бы за мной хоть в сам Ад, чтобы меня спасти. Хотя, должно быть наоборот. Но Кирилл будто взял на себя роль моего отца. Короче, на ментальном уровне мы обменялись ролями, оставшись лишь физически теми, кем были друг другу во Второй реальности.

Особенно его забота проявлялась в обычном быту. Я, например, совсем не ел овощи и фрукты. Потому что не сильно-то их и любил, и ещё по причине того, что когда-то в «юности» испортил себе всю пищеварительную систему таблетками: антидепрессантами, обезболивающими и успокоительными, которые глотал горстями в самый тяжёлый, трагический период своей жизни. И оно, пищеварение в смысле, всё не восстанавливалось и не восстанавливалось,

ненормально реагируя на грубые растительные волокна. В конце концов, я решил не употреблять овощи и фрукты вовсе. Но для Кириэля их всегда покупал в избытке. Он, наслушавшись учителей в школе и начитавшись статей в интернете, сокрушался по поводу того, что я неправильно питаюсь.

– Папа, тебе нужны витамины! Как можно не есть овощи и фрукты?

Я в ответ лишь посмеивался с умилением.

– Тебе двенадцать. Чего ты бурчишь, как старый дед? Ничего со мной не случится, а витамины я получаю из других продуктов.

Но Кириэля было не убедить. Он нарезал мне салаты из овощей и практически насильно заставлял съесть хоть пару ложек. Когда он просыпался раньше (я-то был стопроцентной совой) и готовил завтрак, то всегда оставлял возле моей порции банан или яблоко. И попробуй я не съесть их! Был бы скандал. Сын любил меня настолько сильно, насколько, вообще, кажется, любить невозможно. Он будто завернул мою душу в махровое покрывало, скрыв все шрамы и сгладив след моего мятежного прошлого. Благодаря ему, у меня началась новая жизнь. Жизнь, наполненная светом, теплом и любовью.

И я не понимал, что за глупость выдумали эти напыщенные неучи в белых халатах! Все эти психологи со своими «гениальными» теориями, а по сути, просто псевдоврачи. Во множестве статей в интернете я прочитал, будто любовь матери к ребенку – безусловна, а любовь отца – предметна, то есть, отец может любить своё чадо лишь за какие-либо успехи, что его любовь надо ещё заслужить! Господи! Большого бреда я в своей жизни не слышал!

Я любил своего сына просто потому, что он есть. И мне всегда было плевать на его оценки в школе и в училище – я любил бы его даже если б он учился на круглые двойки и не имел талантов к искусству! Кирилл был красивым парнем, на которого часто засматривались девушки. Но даже если б природа не наградила его яркой внешностью и крепким здоровьем, это бы ничуть не умалило моих чувств к нему. Моя любовь была безусловной. И я ощущал её так ярко, так осязаемо. Она была словно кинжалом, однажды пронзившим моё сердце, но одновременно и подарившим ему истинную жизнь. И Кирилл отвечал мне тем же. Он любил меня искренне, только потому, что я его отец. Но всё-таки подсознательно я ещё опасался, что он вдруг отвергнет меня, как мой старший сын. Я боялся этого так сильно, что слишком, по мнению Танатоса, баловал сына. Старался, вообще, ни за что его не ругать и во всём ему потакать. Я понимал, что таким поведением испорчу ему характер, но страх потерять Кирилла был во стократ сильнее. Я боролся с ним как мог. Пытался отвлекать себя программированием, прогулками по магазинам, едой, но тревожный звонок в сердце не утихал, просто его звон был слышен лишь в кромешной тишине. Конечно, я был слишком мнительным и много парился из-за надуманных страхов. Но тот самый сильный страх в моей душе – страх отвержения... Я не мог его игнорировать. Он отравлял мне душу и рвал сердце. И унять его значило для меня то же, что погрузиться в безразличие к собственному сыну. А этого произойти никак не могло. Таким образом, я постоянно испытывал всю эту гамму противоречивых чувств, щедро приправленных страхом, и свыкся с таким распорядком вещей. Что же ещё оставалось делать?

Наши родственники не заставили себя долго ждать. Спустя месяц они снова нанесли нам визит. Я говорил, что в первое время они держали себя в руках. Относительно держали. Нам даже удалось немного пообщаться, как нормальным людям, выбраться в ресторан, посидеть, выпить, поговорить обо всём, но в паузах, да и во всех фразах всё-таки чувствовалась некая напряжённость, недосказанность, холодность. А ведь мы, фактически, были одной семьёй. Не хватало лишь Василисы, которая осталась в Имморталис-Сити. Мои сыновья успели обменяться «любезностями», прежде чем я на них прикрикнул. Начал, естественно, Валерий. Уже

не помню, чего такого он сказал Кириэлю, но тот вспылел, наверное, впервые в своей жизни. Я услышал лишь обрывки фраз, когда вернулся с Эллакисом обратно в зал после перекура. Моего младшего сына накрыл гнев:

– ...конечно, учитывая то, что ты родился таким странным способом, я и не жду понимания!

– На себя посмотри, умник! У меня хотя бы мать есть, а ты, вообще, непонятно от кого родился.

– Придурок!

– От придурка слышу!

– Хватит! Замолчали оба! – Прикрикнул я на них.

– Папа! Он первый начал меня оскорблять! – Пролепетал Кир.

– Я не собираюсь разбираться, кто первый начал. В моём присутствии чтоб эти разборки между вами были в первый и последний раз. Ясно?

Они притихли. И Кириэль, наверное, впервые в жизни обиделся на меня за то, что я не принял его сторону. Точнее, не принял ничью. Он бы не смог меня понять. Ведь как я мог любить кого-то из сыновей больше? Я любил их одинаково, несмотря на то, что Валерий от меня отказался, а Кириэль любил в ответ больше жизни.

Мне вспомнилось, как однажды, во время моего проживания в Имморталис-Сити, мы с Валерием в очередной раз поссорились. Он заорал на весь Храм:

– Я лишу тебя родительских прав!

Как же меня тогда рассмешила эта угроза.

– У меня и так нет на тебя никаких прав. Напугал... Ты делаешь, что хочешь, но... ты и так мой сын без всяких бумажек.

Его лицо аж позеленело от возмущения, но что-то всё-таки шевелилось в его сердце, раз ему было не всё равно. Пусть это и была лишь ненависть. Хотя бы не безразличие...

Валерий смотрел на брата с интересом. Они изучали друг друга, но не пытались сблизиться. Наверное, мне следовало утаить от Кириэля некоторые вещи, касающиеся его брата, чтобы у него не складывался такой негативный образ, но в ту ночь меня как прорвало, и я не мог врать, глядя в чистые глаза своего дорогого мальчика. Мёртвый Король рассматривал моего младшего сына лишь как дополнительный рычаг давления на меня, но оставался с ним вежлив, даже пытался окутать его своим обаянием, чтобы принцев в Имморталис-Сити стало двое. Хотя, технически, сделать это было, конечно, невозможно, ведь Эллакис не был кровным родственником моему младшему, и Совет Мёртвых не одобрил бы его кандидатуру, а Король прислушивался к нему. Мой Друг правил Некромиром, но во многом его правление дополняли члены Совета, и он не мог пойти против них. Да просто не хотел. Если б они, как говорят, не были на одной волне, он бы и не принял их предложение стать Мёртвым Королём.

Это первое время, пока Валерий и Эллакис держали себя в руках, длилось, наверное, с полгода. Я даже позволял себе шутить с ними. Как однажды, например, когда у меня сломалась машина, я вспомнил, что мой Друг при жизни неплохо в них разбирался и чинил их в свободное от военной службы время.

– У меня сломалась машина. – Просто сообщил я.

– И?

– Ты не понимаешь?

Тогда мне показалось, что Эллакис по-прежнему рядом, а личина Мёртвого Короля – лишь маска, которую он вынужден надевать каждый день. Он курил, весело глядя на меня.

– Корону снял и иди делай мне машину. – Приказал я серьёзным тоном, и спустя секунд пять мы, не сговариваясь, рассмеялись.

Порою Эллакис вспоминал прошлое и по-дружески посмеивался надо мной, в который раз рассказывая Валерию, а Кириллу впервые, забавные случаи с моим участием.

– ...когда мы с моим братом Георгием его нашли, он был таким забавным. Не, ну чудик-чудиком, честное слово! – Рассказывал Друг. – Я тогда так и подумал, что за фрик?

Я хватался за голову, прятал глаза от неловкости и смеялся.

– А как он ел, это надо было видеть! – Болтал Эллакис, затягиваясь крепкой сигаретой. – Ковырялся вилок, долго рассматривал еду, и в итоге ничего не съедал! Первую неделю, вообще, ничего не ел, кроме хлеба с маслом. Я каждый день отдавал ему свою порцию.

– Конечно! Что бы я, после суши ел слипшийся рис в советской столовке? – Посмеялся я в своё оправдание.

– А вот и ел бы! Это, вообще-то, была военная столовая!

Эллакис имел в виду то время, когда я провалился в прошлое через неудачный портал Эрика, и после современной и привычной для меня пищи был вынужден питаться совковой общепитовской стряпнёй, о которой ходили легенды в двадцать первом столетии. Теперь на дворе стояла середина двадцать второго, и то беззаботное для российского общества время давно кануло в небытие, и как говорится, былём поросло.

Я забыл упомянуть, что во Второй реальности я начал новый отсчёт времени не спустя восемь тысяч лет, которые находился в развоплощённом состоянии в Первой, а сразу после битвы в Имморалис-Сити и его перемещения на границу пересечения всех некровселенных. После этого я пробыл в Городе Мёртвых три года, а в Первой реальности шагнул так далеко во времени, что успел увидеть, как вырос сын Беленуса и Моранны, и даже отправиться с ним в путешествие, которое нас и сблизило. Теперь, во Второй реальности, он был моим сыном... И я не представлял себе иной действительности. Не представлял, как могу отдать кому-то, потерять его. Это всё равно, что отрезать кусок сердца. Нет! Это равносильно тому, чтобы забрать его полностью, оставив в груди пустоту. Да, возможно, я нечестно поступил с Беленусом. Хотя, чего тут нечестного? Во Второй реальности его сын не родился, и осколок, который должен был воплотиться в теле его нерождённого наследника, выбрал меня. Тогда в чём же здесь подлость? Наоборот, я дал этой душе возможность воплощения, которую у неё во Второй реальности отняла тупоголовая Моранна с её ненормальной жадой власти, что привела её к насильному развоплощению.

– А в «сушах» твоих чего хорошего? Хрень собачья. Правда, Валерк? – Беспечно и так по-домашнему сказал Эллакис, возвращая меня в реальность.

Племянник тут же одобрительно кивнул с набитым ртом и попытался что-то сказать.

– Конечно, тебе лишь бы поддакнуть своему ненаглядному дяде. Что я, тебя не знаю, что ли? – С шутивым разочарованием сказал я.

В каждой шутке, как говорится, есть доля правды. И иногда это большая доля.

Был ли я на стороне Мёртвого Короля, либо нет, но до конца Валерий меня принимать не желал. И я ещё раз в этом убедился, когда однажды, когда мы путешествовали по Грузии вчетвером, он выкинул новый неприятный фокус.

Мы решили посетить родину Эллакиса. Отказались от самолёта. Поехали на машине. Несколько дней пробыли в Тбилиси, потом заехали в Гори, Цалку и наконец, добрались до Олянка – родного села моего друга. Несмотря на маску жестокого правителя, Мёртвый Король оставался в душе сентиментален. В Олянке уже давно никто не жил. Наступающая стихия природы разрушила последние останки домов, раскрошила в пыль изгороди и почти уничтожила дороги. Нетронутым остался лишь храм и святой источник возле него. Изумрудные ковры ароматных лугов и ясное синее небо над ними ещё долго вспоминались мне. Я смотрел на проносящийся мимо пейзаж, представляя, что тут прошло детство Эллакиса, что когда-то давно он бродил по этим лугам, вдыхал дурманящие запахи трав, играл с соседскими мальчишками. Мы проехали полуразрушенную школу, в которой он учился, и я усмехнулся, представляя, как больше ста лет назад Эллакис стоял у доски, иногда получая двойки и тройки. Но лишь иногда. В общем, он учился хорошо. Дом его семьи, конечно, не сохранился. Не сохранилось

даже фундамента. Мы обнаружили на месте его предполагаемого расположения лишь заросли душистых трав. Эллакис еле узнал это место по деревьям.

Валерия, кажется, совсем не волновало путешествие по родине своих предков. Он практически всю дорогу просидел, уткнувшись в телефон. Да и Кириэль тоже. Эта поездка оказалась важна лишь для меня и Эллакиса. Мои сыновья, сидевшие сзади, иногда переговаривались между собой ничего не значащими фразами, а я всё надеялся, что совместное путешествие их сблизит. Я подозревал, что Кириэль был не в восторге от компании Мёртвого Короля и своего брата, но родственников, как говорится, не выбирают. Я же наслаждался каждым мгновением, проведённым с ними. Жаль, это было не взаимно. Почти не взаимно. Либо они просто хотели, чтоб так выглядело со стороны.

Я тоже был очень сентиментален, и воспринимал теперь этот Богом благословенный клочок земли как свою родину. Я любовался природой, смотря в окно, и в моём сердце разливался покой, но вскоре он был грубо нарушен. Я почувствовал толчок в плечо. Валерий, победно улыбаясь, что-то протягивал мне с заднего сидения. Я отвлёкся от пейзажа и взял в руки вещь, которую он мне давал. Собственно, это оказался паспорт. Его паспорт.

– Прочитай. – Ухмыльнувшись, сказал он.

Эллакис, сидевший за рулём моей машины, видно, знал, в чём дело, и лишь тяжело вздохнул, украдкой взглянув на меня, а затем на своего взбалмошного племянника.

В общем, я не удивился, прочитав информацию на первой странице.

– И? Ты думаешь, меня это должно как-то задеть? – Невозмутимо ответил я, возвращая ему назад документ.

Сын, вероятно, ожидал от меня совсем другой реакции. Что я расстроюсь, стану грустным, начну причитать и так далее. Но я оставался спокоен, как скала, хотя бы внешне, хотя не сказать, что меня вовсе не зацепила его выходка. А заключалась она в том, что он поменял отчество, взяв в его качестве имя своего любимого дяди. И это должно было меня расстроить? Если меня не расстраивала фамилия Мёртвого Короля, которую он до сих пор носил, то его новое отчество и подавно.

– Я его отговаривал. – Как-то виновато произнёс Эллакис.

– Мне всё равно. – Ответил я и вернулся к созерцанию проносящегося мимо пейзажа.

Но кому я врал? На самом деле мне ведь было не всё равно. Это меня зацепило. Боль ещё царапалась внутри сердца, сверху покрытого бронёй и шрамами. Поступок Валерия всколыхнул её. Я попытался всеми силами подавить эту душевную боль. Но отныне я был не один на один с ней. И вечером, когда мы остановились у какой-то придорожной гостиницы, произошла неожиданная кульминация неоконченного накануне разговора. После ужина в кафе я вышел прогуляться на улицу и обнаружил Валерия, который облокотился на угол крыльца и с досадой сплёвывал кровь. Он был зол, как сто чертей. В моей машине сидел Кириэль и рылся в аптечке, ища бинт или лейкопластырь, чтобы заклеить разбитые костяшки пальцев. Я моментально понял, что произошло. Для этого даже не обязательно было иметь магические способности.

За эту гнусную выходку Кириэль съездил моему старшему сыну по лицу, и вполне удачно, учитывая, в каком состоянии тот находился. Только почему их стычка не переросла в серьёзную драку, я понять так и не смог. После этого случая они стали относиться друг к другу гораздо терпимее, но всё ещё подкалывали друг друга, но не со зла, а скорее, из интереса.

Наше близкое общение между мной и Мёртвым Королём сближало и моих сыновей между собой. По крайней мере, я не видел какого-то существенного противостояния между ними. Только настороженность, недоверие и обоюдный интерес. Валера, естественно, считал дядю ближе меня, а я не скрывал, что не одобряю методов Мёртвого Короля, поэтому он воспринимал Кириэля как представителя противостоящей ему стороны и всячески пытался зацепить.

– Когда же мы увидим твоё авторское шоу? – Как-то раз с издёвкой спросил он младшего.

– Я только первый курс закончил. – Скромно ответил Кириэль. – Надеюсь, что в скором времени увидите.

– Да? А я думал, ты уже вундеркиндом родился, учитывая, каким способом...

Кирилл ничего не ответил, лишь окатил Принца Некромира таким уничижительным взглядом, на который, как я думал, он даже не был способен.

– Тебе, видно, сильно корона жмёт, раз ты уже и мыслить адекватно не можешь. – Спустя некоторое время послышалось в ответ.

– Но она есть – это главное. Плохо, когда её нет. Тогда чувствуешь себя... как бы так выразиться... никем, что ли, полным нул...

– Заткнись! – Гневно воскликнул Кир, и в его голосе послышалось нескрываемое могущество. За полгода, что Мёртвый Король и его Принц стали наведываться к нам, он сильно вырос, возмужал и будто вошёл в силу.

Теперь на меня смотрел не смешливый балованный мальчишка, а настоящий воин, готовый в любой момент мобилизоваться и дать отпор. Но, конечно, до Принца Некромира ему было ещё далеко. Сказывалась юность и неопытность.

Я не представлял, к чему приведёт вся сложившаяся ситуация. Не знал, что на самом деле на уме у Мёртвого Короля, и чего от него ждать, но сердце у меня было не на месте, как всегда. И поэтому, каждый раз, когда они уходили обратно в Имморталис-Сити, у меня будто гора падала с плеч. Если ещё учесть странные выходки Эллакиса, от которых даже меня бросало в дрожь.

Как, например, однажды он изъявил желание посетить собственную могилу. Однако простым разглядыванием памятника он не ограничился. Он раскопал могилу и начал рыться в своих костях. Говорил, что у него какой-то научный интерес к своему земному телу, от которого уже практически ничего не осталось.

Эллакис жадно рассматривал кости, вертел их в руках, посмеивался. Одну из них он швырнул в меня, когда я осмелился высказать своё мнение на счёт его занятия. А потом, войдя во вкус, видя, как мне становится жутко, он бросил ещё две, целясь в лицо, пока не довёл меня до истерики.

Кости почти истлели за сто с лишним лет, и Эллакис очень жалел, что ему не удалось посетить собственную могилу раньше. От его жутких речей волосы у меня становились дыбом. И я, наверное, уже сам стал таким ненормальным, как мой Друг. «Эксцентричным», как любят говорить интеллигенты, заворачивая в привлекательную обёртку этого слова настоящее психическое помешательство.

Приехав домой после той поездки на кладбище, я был ни жив, ни мёртв. Точнее, похоронен-то Эллакис был в Ростовской области, где прожил всю жизнь, а Москва весьма далеко от неё. В самолёте, закинувшись горстью успокоительных таблеток, я всё равно сидел весь на нервах, и уже дома меня немного отпустило, когда Кириэль встретил меня в аэропорту, хотя я говорил ему, что не надо.

Сын с подозрением взглянул на моего Друга, хитро улыбающегося нам, но ничего не спросил.

– Будь проще. – С наигранно-издевательской весёлостью Эллакис хлопнул его по плечу, чем вызвал лишь большее раздражение в душе моего ребёнка. А вечером он, чтобы пощекотать нервы мне и Кириэлю, рассказал ему о том, чем мы были заняты на кладбище. Мой сын, конечно, пришёл в ужас. Его охватила волна возмущения.

– Вы нормальные? Вы, вообще, в своём уме? А... Я забыл... Вы же особенные, вам закон не писан. Папа – Бог, а ты – сам Король Мёртвых. Естественно, для вас не существует никаких законов: ни государственных, ни моральных!

Он разозлился на меня вот так впервые. За то, что я позволил Эллакису попирать все эти законы и втягивать себя во грех. Сын тогда сильно огорчился. И ему стало за меня обидно.

Быть может, если б я был более бдительным и не позволил собою манипулировать, многих неприятных последствий удалось бы избежать. А вот моего старшего сына рассказ Эллакиса совсем не тронул. Будто не произошло ничего из ряда вон выходящего, и мы с Мёртвым Королём просто посидели выпили где-нибудь пива. Валерий остался абсолютно безучастен и никак не прокомментировал происшествие. Единственное, что его интересовало в этой жизни, – это корона, дающая ему власть в Некромиире и компьютер, с помощью которого он мог взламывать что угодно, тем самым по-маленькому пакостя людям.

Я изо всех сил старался сглаживать острые углы между ними троими, но делать это становилось всё труднее с каждым днём. Хотя учёба отвлекала Кириэля от той странной атмосферы, которая воцарилась в нашей семье после прихода Эллакиса, но ему всё равно было психологически тяжело. Я-то что? Я привык к постоянному нервному напряжению, стрессам, длящимся десятилетия напролёт, а мой сын рос в гармоничной обстановке, окружённый заботой и любовью. И самой большой его проблемой был разбитый телефон или опоздание на последний поезд в метро. Так что, он оказался морально и психологически не готов к таким переменам в нашей семье, но старался этого не показывать. Я поддерживал его, пытался оградить от дурного влияния Эллакиса. Кириэль просил меня заставить его уйти, но никто не был в силах приказывать Мёртвому Королю. С его присутствием в нашей жизни пришлось смириться, как с данностью.

Кирюша пошёл на второй курс училища и продолжал вести образ жизни обычного семнадцатилетнего парня-студента. Я снова стал посещать рабочий офис, но качество моих кодов снизилось: сказывалось постоянное психологическое напряжение. Сколько ни старался, я не мог успокоиться, и нигде не чувствовал себя в безопасности, зная, что отныне Мёртвому Королю открыт путь в Мир Живых. С этим я поделаться ничего не мог. Обращаться к элохимам было бессмысленно – они и сами оказались против него бессильны. А что у него на уме гадать было бесполезно. Я много раз пытался вызвать его на откровенный разговор, чтобы узнать, чего он хочет, ведь неспроста он наведывался на Землю, и что ему нужно конкретно от меня, но хитрый Эллакис изворачивался, выставляя всё так, будто он просто скучает по земной жизни, скучает по мне, как по своему родственнику и другу, и конечно же, хочет поближе познакомиться с моим сыном, который не горел желанием даже его видеть, не то, что бы общаться с ним. Отчаявшись понять мотивы его посещений, я просто решил ничего не делать, ожидая, что будет дальше. И этим совершил одну из самых серьёзных ошибок в своей жизни.

4

А дальше, незадолго до своего восемнадцатилетия, Кирилл вспомнил... Он, как и в Первой реальности, долго молчал. Я заметил, что он стал тихим и задумчивым. Замкнулся в себе. Практически перестал общаться с друзьями. Поначалу я списывал всё на переходный возраст, но потом догадался, в чём дело. Он приходил после занятий и сразу закрывался в своей комнате, говоря, что очень устал. На все мои попытки узнать, что у него случилось, отвечал, что всё в порядке. Первое время я думал, может, он поссорился с очередной девушкой или со своим другом, пока, собственно, сам не догадался, что его тревожит. Но я решил дать ему время. Я не стал лезть с расспросами, тем более, и так всё знал. Я предоставил ему возможность самому решиться всё мне рассказать. Мой сын не верил в реинкарнацию, но считал, как и я когда-то, что никакого состояния до рождения просто не существует, и душа творится вместе с телом, и вот теперь его постигло глубочайшее озарение, которое выбило его из колеи. Весь мир для него снова оказался перевёрнут с ног на голову.

– Папа... – Однажды робко позвал он меня, стоя на пороге кухни, пока я возился с приготовлением ужина.

– Да? – Приветливо отозвался я. – Солнце, ты что-то хотел?

– Пап... Нам надо поговорить.

– А до утра это не подождёт?

Было уже действительно поздно.

– Нет. Надо сейчас. – Настаивал ребёнок.

Лишь посмотрев в его глаза однажды, ему можно было простить и отдать всё. Или они так действовали лишь на меня?

Я бросил приготовление пищи на середине и переключил всё внимание на сына.

– Я не знаю, согласишься ты или нет, но... – Робко начал он. – Нет, это слишком невероятно...

– Ты считаешь, что для Великого Сына может что-то показаться невероятным?

– Нет, ну... В общем, я не знаю, как объяснить, но мне кажется, я вспомнил, где был до своего рождения...

– Кир...

– Понимаю, это звучит, как бред и этого, наверное, не должно быть, но, пап... Ты должен мне поверить...

– Я тебе верю. – Мягко сказал я.

– Ты? Почему? – На лице сына отобразилось замешательство.

– Ну, как, почему? Потому что мир до рождения, действительно, существует.

– Правда?

Кириэль облегчённо выдохнул.

– Боже, я думал, что начал сходить с ума... Эти видения, они были настолько яркими и чёткими, я будто присутствовал там... То место, оно... Оно находится далеко, и я был совсем другим, не таким, какой я сейчас...

А потом вдруг ему на глаза навернулись слёзы.

– Пап... Прости... Прости меня...

Я не ожидал его внезапной истерики и оказался совсем к ней не готов.

Я обнял Кириэля и начал его успокаивать, поглаживая по спине.

– Ты чего? За что ты просишь прощения?

Слёзы уже градом катились по его щекам, намочив мою футболку.

– Я... Я... Ну... Не выбрал тебя... – Захлёбываясь, еле произнёс он. Я с трудом разбирал слова.

– Кирюш, всё в порядке.

– Я не выбрал тебя в первый раз, когда ты решил стать родителем, точнее, я хотел выбрать, но передумал, а потом, пожалел, понимаешь? Но было уже поздно... И я с нетерпением ждал, когда ты снова захочешь, чтоб у тебя был ребёнок. Я не воплощался, скитался там, по тому белому миру десятки лет, коря себя за то, что упустил свой шанс... Какой я идиот, Господи!

– Тиш... Тише... – Успокаивал я сына, который окончательно потерял контроль над собой.

– Всё хорошо. Мы ведь вместе. И ты меня выбрал в конце-то концов.

– Я... Я... Всё из-за меня! – С досадой воскликнул он.

Я отстранил его от себя и посмотрел ему в глаза.

– Даже не смей так думать, понятно? Всё сложилось так, как сложилось, и тебе абсолютно не в чем себя винить.

– Если б я сразу выбрал тебя, ничего бы этого не произошло! – Продолжал причитать Кириэль. – А твой сын... Сколько зла он принёс...

– Кирилл, ты не знаешь, как бы всё сложилось, выбери ты меня в первый раз. Но главное, что мы вместе. Мы есть друг у друга и всегда будем. Не переживай ни о чём и выброси все печали из головы.

Тогда мне еле-еле удалось успокоить сына. Каждая его слеза болью отдавалась в моём сердце. Было бы из-за чего так переживать, однако он ещё долго не мог простить себя. А в словах мальчишки, действительно, был смысл. Ведь выбери он меня тогда, в первый раз, и судьба обеих реальностей, действительно, могла сложиться по-другому. Возможно, Второй реальности вообще бы не возникло, и значит, у меня, возможно, был бы лишь один сын. Это была сильная мысль. Её я и озвучил Кириэлю, сказав, что рад, что всё сложилось именно так, а не иначе.

– Ты любишь его, да? Любишь Валерия? – С некоторой ревностью спросил Кир.

– Разумеется, да, ведь он – тоже мой сын, и я не хотел бы, чтоб его не было.

– Понятно. – Понуро ответил он.

Что ему было понятно? Что не могло быть иного исхода? Вряд ли. Кириэль, в силу своего юного возраста, оставался слишком наивен и критичен к самому себе и к окружающим.

– Жаль, что я для тебя – не единственный. – Напоследок сказал сын.

После этого мы не разговаривали три дня, хотя и не были в ссоре.

Наверное, Кириэль воспринял мои слова как удар по своему самолюбию, но я ничего такого не имел в виду. Я ответил так, как должен был ответить любой нормальный отец, а мой сын обиделся.

Хотя, его тоже можно было понять. Я растил его единственным ребёнком, окружив лаской и заботой. И тут вдруг объявляется мой старший сын, которого я не мог вычеркнуть из своей жизни, чего бы он ни натворил. Кириэлю это показалось несправедливым.

Но все острые углы сглаживаются со временем. Тем более, наши родственники не появлялись у нас почти год. Я уже подумал, что Мёртвый Король решил отстать от меня и начал успокаиваться. Больше не вздрагивал от каждого скрипа открывающейся двери или телефонного звонка. И наша с Кириэлем жизнь, казалось, вошла в привычное русло. Он был сильно занят в училище. А после занятий ходил подрабатывать в цирк. Но не из-за денег, а чтобы набраться опыта. Однажды меня посетила страшная мысль, а что, если... Если ему даже не пригодятся эти знания, если мир снова начнёт трещать по швам, если произойдёт непредвиденное, что перечеркнёт нашу тихую спокойную жизнь? То был первый тревожный звонок от моей интуиции, но я его проигнорировал, попросту отогнав эту мысль от себя. В моём случае

ничто никогда не заканчивалось хорошо. А я ещё надеялся. Надеялся, как всегда, чтобы потом глубоко разочароваться.

Знания о мире ДоРождения, открывшиеся моему сыну, поразили его до глубины души. Он засыпал меня вопросами, а я, как мог, отвечал на них, хотя не знал наверняка, говорю ли стопроцентную истину. Однажды Кириэль с опаской спросил, будто глубокое прозрение вновь постигло его разум:

– Папа! Их же ограниченное количество! Что будет, когда они закончатся?

– Что? Ты о чём? – Вначале не понял я.

– Ну как! Об осколках! Ты же говорил, что их всего шестьдесят миллиардов, и половина уже воплотилась. Выходит, они скоро закончатся. И что будет тогда?

Я задумался. Вопрос был вполне актуальным, хоть и переносил в отдалённое будущее. Но, может, мне, как Второму Лицу Создателя, следовало уже задумываться над этой проблемой?

– Ну... Вероятно, души пойдут на второй круг воплощения. – Наугад ответил я, хотя сам не представлял, что произойдёт в таком случае.

– Те, которые прожили жизнь на Земле и стали умрунами, будут возвращаться в новых телах?

– Скорее всего.

– И кто же их заставит?

– Заставлять никого не будут. Это будет происходить по желанию.

И про себя я горько рассмеялся.

Кто, простите, в здравом уме согласится вернуться на Землю и снова прожить человеческую жизнь? Да это нужно быть просто мазохистом!

Однако я же вернулся.

Чёрт возьми, я уже ничего не понимал в устройстве этой жизни!

– Ты зря переживаешь, Кир. – Успокоил я сына. – Это время наступит ещё очень нескоро.

– Да, но оно всё равно наступит. И что тогда произойдёт с миром, неизвестно.

– Не волнуйся. Его не оставят в беде. Программы и я – мы всё равно что-нибудь придумаем.

– Что тут придумаешь... Только то, что ты сказал. Но а если никто не захочет возвращаться, что, люди исчезнут?

– Надеюсь, до этого не дойдёт. Кто-то всё равно захочет возвратиться. Жизнь так разнообразна. Может, кто-то и вытянул счастливый билет и получил от неё удовольствие. Они захотят снова его испытать.

– Значит, реинкарнация возможна?

– Думаю, да. По крайней мере, я не вижу никаких препятствий для неё. Исида и Харон всё устроят, когда возникнет необходимость в реинкарнации. Но пока использовать эту возможность нет нужды.

– Выходит, тогда душам придётся приходить на Землю не раз. Ведь согласится едва ли половина из них, а впереди ещё миллионы, миллиарды лет. Да впереди целая вечность!

– После смерти физической оболочки души продолжают развиваться. Кто знает, быть может, и не нужно будет никого возвращать на второй, третий, четвёртый круг...

– Тогда, что, цивилизация людей исчезнет, ведь тела не могут существовать без душ?

– Не исчезнет, полностью перейдёт в Некромир. А здесь тогда останутся только элохимы и Хранители Кодов.

– Что-то не радостное будущее.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Без людей... как-то не так.

– Да, ты прав. – Ответил я, глубоко задумавшись и вспоминая тех единственных людей, которые полностью изменили мою жизнь.

Эллакис, Василиса, Эрик... Эрик так и не простил себя за то, что его портал, через который я прошёл в далёком прошлом, вызвал катастрофу. Совершенную катастрофу в моей судьбе. Как бы я ни убеждал его в обратном, он не переставал винить себя. Если б я не попал в прошлое, ничего бы этого не произошло. Возможно, и Кириэля бы у меня сейчас не было. Конечно! Ведь тогда мой старший сын Валерий вовсе не родился, а значит, не выпустил Моранну из Гробниц Хели. Соответственно, она бы не сошлась вновь с Беленусом и не родила бы ему сына, к которому я так сильно привязался в реальности номер Один. Так что, и Кирилл тогда бы не был моим сыном, а я не стал тем, кем стал, пройдя невероятно сложный путь испытаний. Так что, Эрику я мог сказать лишь спасибо. И каждый раз при встрече в Некромии говорил, но чувство вины всё равно не отпускало его.

– Я понимаю, такое неприлично спрашивать... – Проговорил я, нарушив долгое молчание между нами, – но ты помнишь, какой у тебя был номер... Там?

Кириэль на минуту стал серьёзным, но потом его лицо расплылось в улыбке.

– Это так для тебя важно? – Лукаво спросил он.

– Если не хочешь, можешь не говорить...

– Четыре, ноль четыре, девятнадцать, девяносто четыре, ноль, ноль... – На одном дыхании проговорил сын.

Это был его индивидуальный девятизначный номер. После воплощения на Земле, у Исиды в Системе базы данных, наверное, напротив него появился значок, говорящий о том, что осколок с номером таким-то успешно воплощён.

Всё-таки не мог я привыкнуть к этой дикой системе мира ДоРождения, которую установил мой отец. А Кириэля, похоже, она совсем не смущала.

– Ещё я помню, какой был номер у Эллакиса... – Нерешительно проговорил сын.

– Вот как? Но как же ты понял, что осколок с тем номером воплотился именно в его теле?

Кирилл пожал плечами.

– Мне просто доступна эта информация, как абсолютное знание. Я запомнил очень много номеров, может, половину, может, вообще, все, и бывает, когда я смотрю на улице на случайного человека, то у меня в голове всплывает информация, какой у него был номер там. Это так удивительно, но иногда это... пугает...

Я поражённо смотрел на Кириэля, в очередной раз убеждаясь, какой удивительный у меня ребёнок, даже учитывая то, кто он есть по своему происхождению.

– И какой же номер был у Эллакиса? – Спросил я, хотя, мне, по большому счёту, было всё равно.

– Двадцать восемь, ноль девять, девятнадцать, шестьдесят, восемь. – Ответил сын наизусть, ничуть не напрягая свою память, будто вся информация по номерам лежала у него на ладони.

Он тоже хотел спросить у меня кое-что важное, но никак не решался.

– Ты хочешь что-то спросить. Я же вижу. Спрашивай. – Подтолкнул я его.

Он облизал пересохшие губы, будто собираясь с мыслями.

– А ты... Ты вытянул счастливый билет в этой жизни?

Всё это время мы шли, гуляя по лесу. Я вдруг остановился, поворачиваясь к сыну.

– Ну, конечно! У меня ведь появился ты. – Ответил я мальчику и взъерошил его мягкие волосы.

Это отчасти было правдой, ведь то, что я в итоге обрёл, перевешивало все несчастья, случившиеся со мной. И пусть бы Кириэль никогда не узнал, что мне пришлось пережить за свою недолгую, по меркам Вселенной, жизнь.

К счастью, до рождения, в Непроявленном Мире, Кириэлю были доступны знания обо мне лишь из Второй реальности. То есть, он не мог ничего знать о Первой, в том числе и того, что там со мной происходило, и что в том другом мире он не был мне сыном. Этот факт я утаил и надеялся, что он никогда не всплывёт. Но и во Второй реальности мне пришлось не сладко, раз я смог вызвать жалость в душе – осколке божественной сущности, который впоследствии вошёл в тело моего младшего сына, ведь выбрал он меня именно по этой причине. Как и в реальности номер Один ему стало меня жаль. Он говорил, что считал меня абсолютно правым, когда я боролся за жизнь людей и поднимал восстание против Создателя. И что моё несправедливое изгнание принесло ему сильную боль. Он также переживал за меня, видя в истории моей жизни, показанной ему в Непроявленном Мире, как жестоко обходился со мной мой сын. Чувствовал каждую мою слезинку, каждый вздох душевной горечи, и «сердце» его разрывалось на части.

Он пришёл, чтобы спасти меня и осветить мою жизнь светом любви. И ему это прекрасно удалось. Вот только знал бы я тогда, что времени нам с ним было отпущено совсем немного. Если б знал, любил бы его ещё сильнее и проводил бы с ним каждую минуту своей жизни. Если б только знал... Но судьба, устроенная непонятно кем, снова бросила мне вызов. А отвечать на него пришлось Кириэлю, моему хрупкому мальчику-солнцу, ещё толком не видевшему жизни. Я подставил его. И за это я никогда себя не прощу.

Я пришёл на работу как обычно к девяти. Взял стакан кофе и сел за стол, открывая ноут. Настроение было прекрасным. Я как раз завершил крупный проект, за который начальник пообещал внушительную премию. Эти деньги я как раз планировал потратить на то, чтобы отправить Кириэля на конкурс в Германию. Он очень хотел поехать. Сын немного отошёл от событий, касающихся нашей «неземной» части жизни, от своего внезапного «прозрения», и я снова видел перед собой улыбающегося жизнерадостного мальчика, для которого оставался неизменным центром Мироздания. Ко мне заглянул стажёр, которого я недавно взял на работу в свой отдел, чтобы выяснить кое-какие детали по грядущему проекту. Я был как никогда приветлив и отвечал на его многочисленные вопросы. А затем через минут пять он постучался снова, и когда открыл дверь, я подумал, что он чего-то недопонял.

Я уставился в экран ноутбука и хотел ответить, не отрываясь от него, но... затянувшееся молчание меня насторожило. Я поднял глаза и встретился взглядом со своим неожиданным гостем... Тут же меня будто облили холодной водой. Ведь передо мной, победно ухмыляясь, стоял Эллакис, и смотрел на меня в упор.

– Ты?

Он нахально присел на край моего стола и щёлкнул пальцами возле моего носа. Я отпрянул. И он захохотал с этой дурацкой шутки.

– Ну что, Андроник? Неужели ты думал, что я так просто от тебя отстану?

– Что тебе нужно? – Сквозь зубы проговорил я.

– Фу, как не вежливо. А помнишь, как ты Стену Смерти ради меня разрушил, а?

На миг во мне всколыхнулись воспоминания, которые лучше было не тревожить, ведь от них становилось горько.

– Разве непонятно, что мне нужно? Чтобы ты вернулся в Имморталис-Сити.

– Нет. Это исключено. – Твёрдо ответил я тоном начальника. – Я не оставляю сына.

– Так пусть он отправляется с тобой. Мы с Валерой будем ему рады. – Притворно проговорил Мёртвый Король.

– Мир Мёртвых – не для живых. Он останется здесь.

– Как пожелаешь. Не говори потом, что я его не приглашал.

– Я вообще не собираюсь с тобой разговаривать. – Грубо ответил я, тут же вспомнив, как жаждал получить от Эллакиса хоть какое-нибудь короткое послание, когда он погиб, как тогда думал, что всё бы отдал за возможность пообщаться с ним хотя бы минуту.

– Тебе придётся. – Коротко ответил Мёртвый Король и схватил меня за плечи, поднимая со стула. Я начал сопротивляться, пытаюсь избавиться от его железной хватки.

– Что ты делаешь?

– Отправляю своего тупого друга туда, где ему самое место, раз он сам этого не понимает.

Я только тогда понял, что происходит. В руках Эллакиса светилась голубоватая энергия, которой он окутывал моё тело, чтобы затем переместить меня в Имморталис-Сити. Я сопротивлялся до последнего. На пол полетел ноут и все бумаги с моего стола, но на грохот не прибежала охрана. Потому что оба дежурных уже лежали с перерезанными глотками, а мой стажёр, так не вовремя попавшийся Эллакису на пути, вышел в окно не без его помощи. Камеры видеонаблюдения были выведены из строя, а охранник, наблюдающий через них за офисом, лежал под столом со свёрнутой шеей. Раньше Эллакис не опускался до убийств людей. Видно, я настолько сильно был нужен ему, что он решил поступиться своими принципами, а может, напротив, решил навредить мне, запятнав моё имя преступлением, чтобы мне некуда было возвращаться назад. Ведь в моё простое исчезновение никто бы не поверил. А вот если б на его месте нашли несколько трупов, тогда... У следствия появились бы серьёзные вопросы.

Имя сына было последним криком, сорвавшимся с моих губ в Мире Живых. После моё тело полностью поглотило голубое сияние, и оно исчезло с лица Земли так же внезапно, как и появилось на ней восемнадцать лет назад.

5

В Элизиуме было три часа ночи, когда в моей квартире раздался резкий телефонный звонок. Звонили с Земли. Я не спал, читал книгу и вздрогнул от неожиданности. Кому понадобилось тревожить меня ночью? Неужели кто-то из элохимов умудрился встрять в какие-то неприятности? Пусть сами решают свои человеческие проблемки, я вообще... Но как только я взглянул на имя звонившего, желание побурчать резко пропало. Мне звонил Кириэль, младший сын Андроника, которого я ни разу в жизни не видел, но знал об его существовании, а его номер был записан в моей телефонной книге. Он звонил мне, Четвёртому Всаднику Апокалипсиса, которого тоже никогда не видел, в три часа ночи, и это значило, что стряслось что-то из ряда вон выходящее... С замиранием сердца я снял трубку, морально подготовившись услышать что угодно. После возвращения Андроника, мы виделись с ним всего пару раз. Наши жизненные пути разошлись, но всё-таки он доверял мне, раз оставил мой номер сыну на случай беды.

– Да, я слушаю...

– Здравствуйте, это Танатос? – На том конце послышался такой приятный баритон, похожий на голос Валерия, будь он неладен!

– Да, он самый. Ты – Кириэль?

– Да. Простите, пожалуйста, что так поздно. Мне нужна помощь. Очень. Помогите, пожалуйста. – В голосе мальчика слышалось крайнее отчаяние.

– Так, подожди. Объясни, что произошло.

Раздался звук, похожий на всхлип.

– Кириэль... – Позвал я.

– Он забрал его... – Сквозь слёзы еле проговорил мальчишка.

Я ничего не понял.

– Что? Объясни. Мне трудно понять, о чём ты. Где твой отец?

– Я не знаю. Наверное, в Имморталис-Сити. Мёртвый Король забрал его! – И ребёнок снова сорвался на плач.

Всё похолодело у меня внутри. Я не мог поверить в услышанное. Неужели, опять...

– Как это забрал? Кириэль, это точно? Ты ничего не путаешь? Мёртвый Король не смог бы попасть в Мир Живых.

– Он пришёл. Он несколько раз приходил, и когда папа отказался покидать Землю, он похитил его. Господи, я не знаю, что теперь делать! Помогите мне, пожалуйста!

– Так. Ладно. Успокойся. Я к тебе перемещусь через ближайший портал с Элизиума. Вы не переезжали?

– Что?

– Адрес, говорю, тот же, не менялся?

– Нет...

– Перестань плакать, Кириэль. Я скоро буду, и мы обязательно что-нибудь придумаем, хорошо?

– Угу.

Я повесил трубку и схватился за голову.

– Да уж...

Только и смог сказать я. На Андроника слов уже просто не находилось.

Дверь мне открыл заплаканный подросток уже около шести утра. И сразу же кинулся обнимать от стресса. Я позволил себя обнять, хотя не знал, что делать дальше, и как успокаивать детей. Кириэль узнал меня по фотографиям, а я его – по глазам и взгляду его отца. Я прошёл внутрь. Разулся. У Андроника царил идеальный порядок, а квартира была хорошо обставлена добротной мебелью. На себя ему всегда было плевать, а вот о сыне он заботился.

Мне отчего-то стало неловко. Мы прошли на кухню. Сели за стол.

– Ну, рассказывай, как это произошло. – Бодро сказал я. – Только не реви, прошу.

Кириэлю, если я не ошибаюсь, было лет восемнадцать, но по поведению он казался ещё совсем дитём. Это был избалованный, заласканный мальчишка, всю свою жизнь просидевший за спиной отца, который решал все его проблемы, и был центром его мира, и вот он лишился этого мира. Не представляю, каким страшным ударом стало для него потерять единственного родителя. Хотя, я ещё не знал всей ситуации. Может, всё было не так страшно.

– ...он иногда навещался к нам. Вместе с моим братом. Но в последний раз его не было около года и... потом... – Кириэль закрыл лицо руками и зарыдал.

– Подожди, с чего ты, вообще, решил, что твоего отца забрал Мёртвый Король, может, у него появились какие-то важные дела, и он... Когда он, кстати, пропал?

– Позавчера утром. – Шмыгая носом, ответил ребёнок. – Он бы так не поступил. Он бы предупредил. Он всегда предупреждал, когда уезжал в командировки. И там... Там, на его работе, в общем... Произошло что-то ещё. Я ходил туда, но меня даже не пустили в папин кабинет. Сказали ждать, пока со мной свяжется следователь. Вчера он позвонил и попросил меня приехать в отделение для показаний, но я не поехал... Я не могу, мне так плохо, я не знаю, что делать...

Парень находился в шоке и был полностью дезориентирован сложившейся ситуацией. Я встал и начал искать успокоительное в ящиках. Таблетки нашлись сразу же, видно Андроник часто их употреблял по старой привычке. Я выдавил пару и протянул мальчику вместе со стаканом воды.

– Выпей и ложись спать. Тебе надо отдохнуть.

– Нет, я буду искать отца, надо что-то делать! – Запротестовал парень.

– Ты ему ничем не поможешь, если попадёшь в больницу с нервным истощением.

Ребёнок все же выпил лекарство, и я уложил его на диване в гостиной, а сам принялся усердно думать, что предпринять. Позвонить Всадникам, Беленусу? Чем бы они помогли? К Миру Мёртвых никто из нас доступа не имел, а Моранна, единственная элохим, которая была способна контактировать с Некромиром и перемещаться туда, давно развоплотилась. Но если Мёртвому Королю самому удалось преодолеть законы природы и прийти в Мир Живых, значит, существовал и обратный способ перемещения в Мир Мёртвых. Только такие силы были мне недоступны, как и всем элохимам. Лишь Андроник смог вернуться назад, в Живую Вселенную, но если ушёл он в Имморталис-Сити не по своей воле, то и, разумеется, вряд ли ему бы разрешили покинуть его вновь. В любом случае, нам путь в Имморталис-Сити был закрыт.

Теперь на мне был несчастный ребёнок Андроника и огромная проблема в виде похищения его отца Мёртвым Королём. По сути, то, что произошло с Великим Сыном, означало... Технически означало смерть... Ну, по логике, если рассудить, то, когда человек либо, неважно, любое другое существо отправлялось в Мир Мёртвых, оно как бы переставало существовать для Мира Живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.